

ОЦЕНКА ВТОРОЙ МИРОВОЙ И ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙН С ТОЧКИ ЗРЕНИЯ МЕЖДУНАРОДНОГО ПРАВА И ЭТИКИ

В. П. Юран,

студент факультета экономики и права

Витебский филиал Учреждения образования Федерации профсоюзов Беларуси

«Международный университет «МИТСО», г. Витебск

Научный руководитель:

Т. П. Иванова,

кандидат исторических наук, доцент, доцент кафедры

правоведения и социально-гуманитарных дисциплин

Витебский филиал Учреждения образования Федерации профсоюзов Беларуси

«Международный университет «МИТСО», г. Витебск

В 2019 году отмечается 75 лет освобождения Беларуси от немецко-фашистских захватчиков, близится 75-летие Великой Победы. Историки, правоведы, философы, политики, представители широкой общественности вновь возвращаются к оценке Великой Отечественной войны в контексте Второй мировой войны.

Война, развязанная правящими кругами Германии в 1930 – 1940-е гг., явилась попранием международных прав по отношению к народам.

С точки зрения международного права военная оккупация определяется как временное занятие территории государства вооруженными силами противника. Причем сам факт оккупации не решает судьбы занятой территории – она определяется, как правило, по окончании войны мирным договором. Исходя из этого положения, в международном праве даны толкования основных принципов режима оккупации. Прежде всего они содержатся в приложении к 4-й Гаагской конвенции 1907 года о законах и обычаях сухопутной войны [1].

В этом акте устанавливалось, что оккупированная территория остается территорией того государства, которому она принадлежала до оккупации, поэтому оккупационные власти обязаны уважать законы, обычаи и традиции, существующие на занятой территории.

Мирное население вправе сохранять верность своему государству; запрещаются коллективные наказания; взятие заложников, угон населения с места жительства. Согласно конвенции не допускается привлечение населения к военным операциям и оборонительным работам.

Особо рассматривались в Гаагской конвенции вопросы собственности при оккупации. Предусматривалось, что оккупационные власти могут производить реквизиции только для нужд, связанных с содержанием оккупационных войск (с учетом ресурсов занятой территории). На те же цели могут устанавливаться налоги. Личная собственность мирного населения должна уважаться. Собственность органов самоуправления, учебных заведений, религиозных и благотворительных учреждений должна рассматриваться как частная собственность, даже если она принадлежит государству, с тем, чтобы избежать ее разорения.

Конвенция указывала, что особо преследуется преднамеренное разрушение исторических памятников, произведений науки и искусства. Конвенция также обязывает правительство, оккупировавшее территорию неприятельского государства, принимать все зависящие от него меры, чтобы по возможности восстановить и обеспечить общественный порядок. Предписывалось не упразднять местных законов, а лишь в определенных случаях приостанавливать их действие; должны были сохраняться и функционировать прежние суды (оккупанту разрешалось организовать свои военные суды исключительно для поддержания порядка в своей армии и охраны ее безопасности) [1].

Еще раз повторим, что война, развязанная правящими кругами Германии в 1930 – 1940-е гг., явилась попранием международных прав по отношению к народам.

Нравственная оценка войны во многом зависит от той системы нравственности, в рамках которой эта оценка осуществляется [2; 3, с. 97].

На современном этапе наиболее распространенную позицию в вопросе о моральной оценке войны представляет концепция справедливой войны.

В контексте концепции «справедливой войны» Великая Отечественная война получает полное моральное оправдание как война освободительная, направленная на восстановление целостности страны, ее суверенитета. Борьба за свободу страны признавалась допустимой даже самыми последовательными критиками войны вообще.

Более того, война 1941 – 1945 гг. была Отечественной войной, то есть защитой не частных политических интересов, а коренных интересов народов СССР, защитой его идентичности и моральных ценностей. Она была осознана обществом как покушение на Отечество, фундаментальную моральную ценность, некую универсальную ценность, на само духовное существование народа.

Нравственный смысл этой войне придает и тот факт, что это была война против фашизма. Концепция справедливой войны восходит к христианскому учению. Августин Блаженный первым разделил войны на справедливые и несправедливые. Впоследствии концепция справедливой войны была развита многими авторами, сформулировавшими две группы принципов:

- принципы *jus ad bellum* (справедливости вступления в войну);
- принципы *jus in bello* (справедливости ведения войны).

Принципы *jus ad bellum*:

1. Принцип правого дела, или правильных оснований, или веских причин, к числу которых относится исправление несправедливости, наказание за несправедливость и даже предотвращение ее. Несправедливым повсеместно признается посягательство на суверенитет, территориальную целостность, геноцид каких-либо социальных групп, союзнические обязательства. Соответственно, справедливой будет война ради самозащиты, оборонительная война ради защиты других государств.

2. Принцип легитимности власти. Не генералы и профессора философии должны принимать решение по поводу войны, а только определенные уполномоченные лица. Однако спорным остается вопрос, при каких условиях и до какой степени революционные движения считать обладающими легитимной властью для использования силы ради правого дела.

3. Принцип добрых намерений. В прошлом этот критерий трактовался таким образом, что государство, в особенности его солдаты, не должны вступать в войну с ненавистью в сердце. То есть мотивом военных действий должны быть позитивные моральные ценности: защита, справедливость, любовь к своей стране [4].

4–5. Принцип вероятности успеха, связанный с принципом соразмерности. Оба принципа имеют дело с последствиями решений. Принцип вероятности успеха говорит о том, что страна не должна вступать в войну, если это не сулит хороших последствий. Принцип соразмерности подразумевает, что ожидаемая цена потерь при проведении военных действий не должна выходить за пределы получаемых выгод.

6. Принцип последнего средства – очень важный принцип, он подразумевает, что вступая в войну, необходимо убедиться в том, что все другие усилия (переговоры, санкции, политический маневр) бессмысленны [4].

Принципы *jus in bello* выполняют свою функцию после того, как война уже началась. Теоретики упоминают обычно два из них:

1. Принцип соразмерности, касающийся соотношения потерь и выгод от совершения отдельной военной операции.

2. Принцип различия, который предполагает, что не все представители противоположного пола являются объектом дозволенного нападения. Строгая версия этого принципа подразумевает, что нападать можно только на людей, одетых в военную форму,

то есть не вовлекать в войну гражданских лиц. Запрещено нападать на стариков, женщин (невоенных) и детей, священников и медицинский персонал [5, с. 62–64].

Коммунистическая доктрина никогда не содержала тезисов о возможности построить счастье за счет завоевания других стран и уничтожения их населения, в то время как фашистская идеология строилась именно на этом. Даже на последнем этапе войны перед советскими войсками ставилась задача «освобождения Германии», а не «завоевания Германии», уже тогда пропаганда неустанно повторяла о победе над фашизмом, а не о победе над немцами. Официальной целью считалось освобождение самих немцев от фашистского режима. Поэтому выражение «спасти мир от коричневой чумы» является не только риторическим. При всех издержках, Наша Победа стала именно спасением для мира, и в том числе для ценностей цивилизации, которые выработал Западный мир.

Таким образом, по критерию «правого дела» Великая Отечественная война безусловно была делом правым, и Победа справедливо осталась за нами [5, с. 64, 65].

Великая Отечественная война получает высокую моральную оценку по критерию традиционной нравственности. Она действительно проявила «лучшие качества советского народа», коллективизм и патриотизм, высокое чувство общественного долга и массовый героизм. Война, в частности, укрепила внутреннее единство страны, что привело к формированию «советского народа» как новой специфической наднациональной целостности.

Находясь вне советской системы ценностей, можно сказать, что война 1941–1945 гг. привела к укреплению тоталитарного режима, и в этом плане вообще не велась «за правое дело». Это было бы возможно, если бы критерии оценки были только политическими, и если бы смысл войны определялся действиями верховного главнокомандующего. Между тем, нравственное значение войны зависит от ее интерпретации в общественном сознании, от того смысла, который она имела для всех участников событий.

Великая Отечественная война полностью соответствует критерию легитимности власти, так как отпор врагу был организован законной властью. И даже партизанское движение во многом управлялось центральной властью. Можно спорить о правовом качестве самого советского режима, но власть в нем была вполне легитимна.

Что касается добрых намерений, то таковые, несомненно, наличествовали во внутренней системе отсчета ценностей советского солдата. Лозунги «раздавим фашистскую гадину» и «добьем врага в его логове» постоянно дополнялись напоминанием о главной цели войны: освободить свою землю и освободить народы Европы от фашизма. Кроме того, конечной целью послевоенной советской внешней политики провозглашался «мир во всем мире». Таким образом, Великая Отечественная война стала и войной за мир, то есть войной с моральными намерениями [6; 7].

Принцип «вероятности успеха» не мог быть принят советской системой ценностей. Какова бы ни была реальная вероятность успеха, советские люди верили в нее и этим во многом сделали возможность реальностью. Великая Отечественная война продемонстрировала великую и удивительную психологическую, моральную и идейную стойкость людей, находившихся в нечеловеческих условиях, перенесших нечеловеческие страдания.

Что же касается «принципа соразмерности», то именно он вызывает наибольшие сомнения и является основанием для критики решений, принимавшихся в тот период. В предвоенные годы были совершены политические ошибки. Меры, предпринятые советским руководством в 1930-е годы, лишили Красную Армию основного кадрового состава; сведения о готовящемся нападении игнорировались; были заключены международные соглашения (пакт Молотова – Риббентропа), последствия которых не были просчитаны.

Принципы *jus in bello* (справедливого ведения войны) имели в контексте советской идеологии ограниченное значение. Принцип соразмерности потерь и достигнутых

преимуществ открыто отрицался. Если «победа досталась нам дорогой ценой», это стало лишь следствием сознательной установки на то, что «мы за ценой не постоим». Героическая ориентация, предполагающая щедрое жертвование собой, была господствующей на всех уровнях общественного и индивидуального сознания. Героизм в бою и тылу, стремление попасть на фронт, пойти в ополчение, независимо от умения воевать, были составляющей не только официальной идеологии, но и массовой.

Принцип различия и избирательного отношения к врагам срабатывал в соответствии со спецификой советской идеологии. Поскольку война шла в основном на нашей территории, то все находящиеся на ней немцы были солдатами врага, законной добычей не только для действующей армии, но и партизан.

Специфика советского применения принципа различия была обусловлена идеями классовой борьбы: он предписывал относиться к простому немецкому солдату как к потенциальному «трудящемуся», «пролетарию», но люто ненавидеть офицера как «представителя господствующего класса». Воевать с детьми и стариками, естественно, считалось недостойным. Врагом мыслилось нацистское государство, а не немецкая нация как носитель культуры и не ее представители [5, с. 67, 68].

Таким образом, Великая Отечественная война (при всей поливариантности интерпретаций) оценивается как нравственная победа нашего народа, победа ценностей гуманизма.

Нюрнберский процесс (20.11.1945 – 01.10.1946) был приведен в соответствие с нормами международного права. Впервые уголовному наказанию подверглись руководящие лица государства, виновные в подготовке, развязывании и ведении агрессивной войны [8].

После Второй мировой войны начался современный период развития международного права. Институциональной основой этого периода стала Организация Объединенных Наций. Главная особенность этого периода состоит в том, что отныне государствам юридически запрещается вести агрессивную войну. Применение силы разрешено только в двух случаях: для отражения агрессии и с разрешения Совета Безопасности ООН. Кроме того, государства мира были юридически ориентированы на сотрудничество. Такое конструирование международно-правовой системы укрепило правопорядок и потребовало новых средств и методов международно-правового регулирования.

Список использованных источников

1. IV Гагская конвенция 1907 г. о законах и обычаях сухопутной войны [Электронный ресурс] // Сейчас.ру. – Режим доступа: www.lawmix.ru/abrolaw/16810. – Дата доступа: 17.02.2019.
2. Бакштановский, В. И. Гражданское общество: новая этика / В. И. Бакштановский. – Томск : Изд-во Томского гос. ун-та, 2003. – 204 с.
3. Бакштановский, В. И. Гражданское общество / В. И. Бакштановский // Этика : энциклопед. словарь / под ред. Р. Г. Апресяна, А. А. Гусейнова. – М. : Гардарики. – 2001. – С. 97.
4. Нравственные ограничения войны: проблемы и примеры / под ред. Б. Коппитерса, Н. Фоушина, Р. Апресяна. – М. : Гардарики, 2002. – 407 с.
5. Беляева, Е. В. Этика гражданственности : учеб.-метод. пособие / Е. В. Беляева, Т. В. Мишаткина. – Минск : РИВШ. – 2006. – 134 с.
6. Гусейнов, А. А. Мораль и насилие / А. А. Гусейнов // Вопросы философии. – 1990. – № 5. – С. 127–136.
7. Орлов, А. Факты против мифов: подлинная и мнимая история Второй мировой войны / А. Орлов, Б. Новоселов. – М. : Молодая гвардия. – 1986. – 239 с.
8. Нюрнбергский процесс : сб. материалов : в 8 т. – М. : Юридическая литература. – 1987–1999.